

Петр Дружинин

Tristia:
**О фальсификатах рукописей Осипа Мандельштама
и их восприятии в научном мире**

Abstract: This article addresses pressing issues in the textual criticism of early twentieth century Russian literature, focusing on a case study conducted at the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences. The study examines two newly acquired manuscripts, the authenticity of which was initially confirmed by a leading specialist in Mandelstam's works and a forensic expert. However, through detailed philological and source-study methods, significant discrepancies between the language of these manuscripts and authentic works by Osip Mandelstam were identified, suggesting that these documents are not part of the standard corpus of the poet's legacy. Consequently, the research concludes that the manuscripts are indeed counterfeits. This step-by-step analysis highlights the most relevant methods for verifying epistolary sources and underscores the necessity for qualified textual and source-critical expertise in handling autographs of Russian writers from the Silver Age.

Keywords: Osip Mandelstam, textual criticism, language of writers, mystification, forgery

Введение

Сегодня фальсификаты рукописей русских классиков получают всё более широкое распространение, нередко они верифицированы специалистами как подлинники. Такое положение деструктивно влияет на науку о литературе, тем более что в ряде случаев, когда рукопись сохраняется в частной коллекции и недоступна для исследования, разоблачение подделок оказывается крайне затруднительным. Но поскольку сегодня антикварный рынок практически прозрачен и про-

дающиеся предметы могут фиксироваться на электронных носителях, а многие научные публикации включают факсимильные воспроизведения, то для исследователей открывается возможность работать не только с оригиналами, но и с их цифровыми копиями, которых может быть достаточно для распознавания фальсификата.

Экспертиза подлинности рукописей писателей производится чаще или специалистом-филологом, или же криминалистом. При филологическом исследовании нередки случаи, когда не делается окончательного вывода, то есть не говорится ни твердое «да», ни твердое «нет» (что можно приветствовать, потому что осторожность исследователя оказывается порой более ценным качеством, нежели смелость); в практике криминалистической экспертизы почерковед обычно обязан ответить либо «да», либо «нет». Впрочем, и филологическое исследование, и почерковедческая экспертиза порой могут содержать ошибочный вывод. Причины таких прецедентов различны и не являются предметом настоящей публикации.

Дискуссионным для филологов является обоснованность установления подлинности древней рукописи криминалистом, поскольку памяты случаи, когда результаты почерковедческих экспертиз опровергались филологическим или источниковедческим исследованием — речь в том числе о рукописях, приписываемых А.С.Пушкину (Краснобородько 1987) или К.Э.Циолковскому (Желнина 2006). Мы полагаем, что нередкие ошибки выводов почерковедческих экспертиз объясняются тем, что старинные рукописи не являются предметом каждодневной практики экспертов. Но тем актуальнее привлечение таких специалистов для разоблачения современных фальсификатов, тем более что криминалистическая экспертиза обладает широким инструментарием для распознавания подделок.

В последние годы конфликты мнений экспертов относительно подлинности той или иной рукописи участились. Безусловно, эксперт, как и любой человек, может ошибаться, и подобные случаи были всегда, однако обилие участников процедуры экспертизы в настоящее время как будто предопределяет наличие различных точек зрения. Не существует в этом вопросе высшего разума, который бы судил о подлинности: ученому сообществу представляются отдельные мнения, которые высказывают все желающие: ученый-текстолог, эксперт-ан-

тиквар, судебный эксперт, даже библиофил... Эти мнения нередко материализуются, превращаясь в экспертные заключения, научные статьи, библиофильские публикации. Известен сюжет с «рукописями А. Ахматовой», когда, несмотря на однозначное отрицательное мнение ведущих исследователей ее рукописного наследия, сторонники подлинности «новооткрытой Ахматовой» так и не смогли смириться с тем, что рукописи оказались фальсификатом (Дружинин 2023а).

Плюрализм в вопросах подлинности одной и той же рукописи трудно счесть нормальным положением дел в науке. Как нам кажется, подобное разномыслие в большинстве случаев достигается не столько невозможностью верной атрибуции рукописи, сколько недостаточной квалификацией экспертов, тем более что научная методология вполне действенна для разрешения «дискуссионных вопросов».

В настоящей статье мы предлагаем свое мнение относительно подлинности двух рукописей О.Э.Мандельштама, которые были ранее сертифицированы как подлинники руки поэта. В своей работе мы пользовались инструментарием не только филологического, но и источниковедческого исследования, поскольку ощутимую пользу при изучении рукописей оказывает привлечение вспомогательных и специальных исторических дисциплин.

Описание двух рукописей

Рассмотрим две рукописи Мандельштама, введенные в научный оборот в последние годы. Они имеют определенные общие черты, почему мы и решили рассматривать их в одной публикации. Обе — послания, обе — начертаны на почтовых карточках, обе — датируются 1910-ми годами.

Первая — открытка 1914 года, адресованная А. А. Ахматовой (илл. №1):

Дорогая Анна!

Спасібо за поздравленіе и за карточку.

Очень мнѣ понравилось.

Зловѣщій голось — горькій хмель —

Души расковываетъ нѣдра

Такъ негодующая Федра

*Стояла нѣкогда Рашель
Исторія нашихъ отношѣній довольно прѣкрасная.
Благодарю за пониманіе!
Осипъ Мандельштамъ*

1914

Текст написан чернилами, разделение на строки в соответствии с приведенной транскрипцией: инкорпорированное четверостишие стихотворения «Анна Ахматова» никак не выделяется, внешне представляя собой единое целое с основным текстом письма. На иллюстративной стороне — рождественский зимний пейзаж в несколько лубочном стиле.

Публикация рукописи состоялась в научном сборнике, подготовленном Мандельштамовским центром НИУ ВШЭ, Государственным литературным музеем и музеем Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Участие П. М. Нерлера свидетельствовало о незаурядности находки:

Это — впервые публикуемое — письмо Осипа Мандельштама Анне Ахматовой — из коллекции автографов поэтов Серебряного века Вениамина Максовича Голубицкого. Точнее, это открытка, на лицевой стороне которой условный русский зимний пейзаж с деревушкой в снегу. Текст — одиннадцать строчек, написанных орешковыми чернилами вдоль длинной стороны карточки — ровно и без спешки. Конверт, в котором открытка была отправлена, не сохранился.

(Голубицкий/Нерлер 2023: 21)

Нерлер завершает словами:

В целом публикуемое В. М. Голубицким письмо Мандельштама Ахматовой — важный отголосок той творческой атмосферы, что сложилась в Петербурге в начале десятых годов — атмосферы, в которой оба поэта буквально купались. А также, если угодно, еще и памятник той безмятежности, в которой пребывала огромная и подслеповатая страна накануне своей первой геополитической катастрофы.

(Там же: 22)

Вторая рукопись — тоже открытка, не датированная, напечатана издательством К. Г. Гранберга (Стокгольм). На иллюстративной стороне — пейзаж Ю. Ю. Клевера «Ростепель». Текст расположен по всей длине адресной стороны (илл. № 2):

*Многоуважаемый
Александръ Федоровичъ!
Примите мои поздравленія
съ высокаторжественнымъ праздникомъ
Рождества Христова.
Спасибо Вамъ за доброту.
Шлю Всемъ
сердечный привѣтъ
Осипъ Мандельштамъ*

Имя адресата неизвестно: в 1910-е годы в кругу Мандельштама не отмечено такого лица, к которому можно было бы это письмо отнести. Можно лишь допустить, что поэт перепутал имя, и адресовано оно Анатолию Федоровичу, то есть А. Ф. Кони, с которым Мандельштам общался в 1911 году (Мандельштам 2020: 307)¹; если принять это предположение, то перед нами напоминание середины 1910-х годов о былом знакомстве и, как следует из текста, добром отношении знаменитого юриста к начинающему поэту. Оговоримся, что указание «всем» не вполне понятно и при таком допущении, поскольку Кони семьи не имел. На адресной стороне имеется коллекционный штамп «А. Ф. Литвинов» по новой орфографии, оттиснутый фиолетовой штемпельной краской.

Подлинность данной рукописи утверждается заключением почерковеда экспертно-криминалистического центра «Вектор» (№ 169/19) на девяти листах². Имея для сравнения описанную рукопись, а также «свободные образцы почерка и подписи в ранее опубликованных письмах» на пяти листах (илл. № 4), специалист А. В. Загика формулирует поставленный перед ним вопрос: «Кем, Мандельштамом Осипом Эмильевичем, или другим лицом выполнены записи и подпись от его

1 Далее этот источник приводится в сокращении: М2020.

2 Копия имеется в распоряжении автора.

имени, расположенные на оборотной стороне открытки, представленной на исследование?» И в результате своего исследования, начатого 25 октября и оконченого 30 октября 2019 года, выполненного посредством использования традиционной методики, рекомендованной МВД России, приходит к выводу, что «рукописный текст и подпись от имени Мандельштама Осипа Эмильевича, расположенные на оборотной стороне представленной на исследование открытки, выполнены Мандельштамом Осипом Эмильевичем».

Сразу скажем, что, на наш взгляд, обе представленные рукописи представляют собой фальсификаты позднейшего времени. Многое у нас вызывает недоумение, начиная с почерка (даже учитывая изменчивость почерка Мандельштама, что легко увидеть по эталонным рукописям поэта). Впрочем, наше мнение о несоответствии почерка вряд ли можно счесть весомым, поскольку идентичность почерка была установлена криминалистом-почерковедом. Поэтому, чтобы не внедряться в сферу чужой науки, мы не будем касаться в своих рассуждениях непосредственно почерка.

Как мы изложили, каждая из рукописей была рассмотрена квалифицированным специалистом и признана подлинником. Тем самым рукописи были введены в корпус наследия Мандельштама, и теперь для попытки их выведения из этого корпуса требуется серьезная научная аргументация, желательна неопровержимая. Налицо ситуация, которую каждый филолог знает по учебнику С. А. Рейсера, что «произведение, даже на основании самой легкомысленной атрибуции, легче ввести в корпус работ того или иного писателя, чем на основании самого серьезного анализа его из него вывести» (Рейсер 1978: 102).

Продолжая перечисление наших субъективных сомнений, мы должны обратить внимание на язык рукописей. В первом случае и обращение «Анна», и фраза «История наших отношений довольно прекрасная» кажутся нам несколько чужеродными для языка Мандельштама 1910-х годов применительно к диалогу с Ахматовой; тем более что сама фраза является калькой из его письма В. В. Гиппиусу 1908 года: «История наших отношений или, может быть, моих отношений к вам кажется мне вообще довольно замечательной» (М2020: 298). Поздравление «с высокоторжественным праздником» во втором письме мы находим неуместным и тяжеловесным.

Но и в случае с этими языковыми особенностями мы также не смеем утверждать на их основании что-либо, поскольку «вообще при решении вопросов атрибуции апеллировать к художественному качеству — самое последнее дело: то, что одному представляется бездарным, другому может показаться шедевром» (Пильщиков/Шапир 2005: 222). Однако для того чтобы сложилось первое впечатление, внимание к таким маркирующим языковым оборотам не бессмысленно: они как минимум привлекают внимание к рукописи в целом, да и отражают действительность филологической науки, когда историки литературы в значительной степени опираются на собственный вкус и знания.

Орфографические особенности рукописей

Важным (но не единственным) методом исследования рукописей для выяснения вопросов подлинности является филологический метод. Наиболее показателен в данном случае анализ графики и орфографии представленных рукописей.

Как мы знаем, Мандельштам с 1899 по 1907 год учился в Тенишевском училище, курс которого окончил с показанием хороших успехов в русском языке и словесности, которым его обучал В.В.Гиппиус. Рукописи поэта 1910-х годов дают нам понимание того, что гротовскую орфографию он освоил вполне. Однако рассматриваемые рукописи этого не демонстрируют.

В первой рукописи мы видим несколько вопиющих, если так можно выразиться, орфографических ошибок, касаются они исключительно написания «і»/«и», и «ѣ»/«е»: «Спасібо» (вместо «Спасибо»), «нашихъ» (вместо «наших»), «отношѣній» (вместо «отношений»), «прѣкрасная» (вместо «прекрасная») и «поніманіе» (вместо «понимание»).

Безусловно, мы не хотим требовать от гения, каким был Мандельштам, абсолютной грамотности, однако его ошибки в правописании — исключение. Скажем, летом 1909 года он пишет И.Ф.Анненскому: «Сообщаю Вамъ свой адресъ на случай если онъ будетъ нуженъ редакціи „Аполлона”»³, то есть вместо «Аполлона», как того требует гротовская орфография (Грот 1906: I). Однако в данном случае мы имеем дело,

3 РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 350. Л. 1 (в ПСС «Аполлона». — М2020: 303).

скорее всего, с обычной опиской. И хотя и такое написание имени формально признается вариативным, что и отмечено в Словаре русского языка XVIII века (Сорокин 1984: 79), но составители указанного словаря не смогли привести примера из сколько-нибудь авторитетного текста; последнее говорит скорее о том, что речь идет именно об ошибках и описках, (встречающихся даже в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона).

Однако приведенные выше ошибки орфографии несовместимы с уровнем грамотности Мандельштама в 1914 году, который нам известен по сохранившимся рукописям. Причем это не просто ошибки графики или орфографии, а гиперкорректные написания. Если мы сверимся с эталонными рукописями, например, с упомянутой фразой из письма к Гиппиусу, то можно видеть очевидные различия новообретенной рукописи с подлинной орфографией Мандельштама: если в исследуемой открытке *«Исторія нашихъ отношѣній...»*, то в эталонной рукописи — *«Исторія нашихъ отношеній...»*⁴. В рукописи статьи *«Скрябин и христианство»* (ок. 1917) мы видим неоднократно именно *«отношеніе»*⁵...

Отметим, что ошибки распределены в рукописи неравномерно и отмечаются только в прозаических строках. Четверостишие же написано орфографически верно, с одной оговоркой.

Собственно, этот факт не имеет решающего значения, но мы должны упомянуть, что одно слово из употребленного здесь могло писаться двумя способами. Формально, слово *«хмѣль»* писалось именно с буквой ять, поскольку относится к случаям, когда «ѣ» имеется в корне (а слово *«хмѣль»* целиком составляет собой корень), и такое написание было устойчивым (см. Руководство 1858: 96). Однако словарь Даля дает указание *«Хмель (ошибочн. хмѣль)»* (Даль 1866: 506), что было обосновано позднее Гротом в его учебнике (1885), в том числе и в том издании, которое вышло за год до окончания Мандельштамом Тенишевского училища. Там имеется отдельное указание относительно требования написания буквы *«хмель»* без ятя: *«В слове змѣй (др.-слав. змій) букву ѣ нельзя считать коренною, равно и в слове “хмѣль”, кото-*

4 РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.

5 Princeton University Library. Firestone Library. Co539. Box 1, folder 11.

рое вернее писать хмель» (Грот 1906: 62); от Грота это требование перешло в другие учебные пособия⁶. При этом у Мандельштама всегда фиксируется гротовское написание «хмель».

Описанная языковая картина, когда в прозаическом тексте имеется множество орфографических ошибок, а стихотворная цитата написана в полном согласии с гротовской орфографией, имеет свое объяснение. Дело в том, что стихотворение «Анне Ахматовой», цитата из которого помещена в письме, не только не раз печаталось в старой орфографии (с написанием «хмель»), но и сохранилось в виде авторского списка в собрании РГАЛИ⁷ (илл. №3). Этот список неоднократно воспроизводился, и сравнение его с рассматриваемой открыткой заставляет нас предположить, что именно его воспроизведение стало лекалом⁸. В пользу нашего предположения говорит и пунктуация: во всех публикациях («Гиперборей», 1913, №9/10; сб. «Камень», 1916) она различается как между собой, так и с белой рукописью собрания РГАЛИ; пунктуация же последней полностью повторяется в исследуемой открытке.

Вторая рукопись — открытка неизвестному — имеет иную языковую картину и написана несколько иначе. И хотя почерк ее мы также не в силах принять за почерк Мандельштама, продолжим исследование в рамках филологического метода. В данной рукописи орфография, на первый взгляд, более упорядочена; но есть две ошибки, имеющие иную природу, нежели гиперкорректное написание. Это слова «Всемъ» и «Федоровичъ», которые, на наш взгляд, Мандельштам написать так не мог.

В согласии с гротовскими принципами, местоимение «всѣ» во всех формах множ. числа пишется с ятем: всѣ, всѣхъ, всѣмъ, всѣми (Грот 1906: 67); написание же «все» фонетически звучало исключительно как «всѣ». Собственно, именно возникшая после перехода на новую орфографию путаница двух ранее несмешиваемых слов всѣ (все)/все (всѣ) особенно высмеивалась архаистами (см. напр.: Ильин 1993), а в настоя-

6 См.: Целибеев 1893: 47 (с примеч.: «Писали когда-то через Ъ: хмль, похмѣлье, хмѣльной, захмѣлѣть и пр.»)

7 РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 175. Л. 3.

8 Внимательное изучение рукописи позволило нам увидеть разночтение, которое не было замечено исследователями: строфа «Души расковывает недра» в автографе РГАЛИ — «Души расковывают недра» (см. илл. 3).

щее время составляет серьезную проблему при некавалифицированном переложении дореформенных текстов на новую орфографию.

Уверенность же в том, что Мандельштам не мог так написать, обоснована особенностями его эталонных рукописей. Поэт пишет отцу 24 июля 1908 (илл. №5): «Цѣлую крѣпко всѣхъ» (илл.: М2020: 630); Ф.К.Сологубу 27 апреля 1915: «я имѣю всѣ основанія заключить»⁹; А.Л.Волынскому 7 декабря 1916: «Всѣ Вамъ будутъ очень рады»¹⁰; в рукописи стихотворения «Золотой» (1912): «Человѣкъ — и всѣ они пьяны»¹¹; равно и образованное от этого местоимения наречие «совсем» — матери 20 июля 1916: «не скучаетъ и смотритъ совсѣмъ иначе»¹² и т.д. «Все» в значении «всѣ» Мандельштам также пишет в соответствии с гротовской орфографией — см. рукопись стихотворения «Отравлен хлеб и воздух выпит...» (1913): «Все исчезаетъ — остается/Пространство, звѣзды и пѣвецъ!»¹³

Но значительно более чуждым выглядит написание «Федоровичу» через ферт, а не через фиту, как предписывала норма (Грот 1906: ХLI). Повторимся, мы не пытаемся настаивать на заведомом соблюдении Мандельштамом требований гротовского правописания, тем более, что и сам Грот отмечал, что графическое употребление фиты «для людей, не получивших литературного образования, составляет почти непреодолимое затруднение» (Грот 1906: 80). Но эти слова скорее относятся именно к тому человеку, который был подлинным автором рукописи, нежели к Мандельштаму.

Дело в том, что имена, которые начинаются со звука «Ф», имели для поэта особенное значение: его собственная мать имела имя Флора. То есть Мандельштам, как мы полагаем, знал различия в написании имен, начинающихся со звука «Ф», делая различие между графикой в имени матери (как и «негодующей Федры») и графикой в именах греческого происхождения, которые также начинались со звука «Ф», но нормативно писались через фиту, в том числе и имя «Федоръ». Эта

9 РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Д. 438. Л. 1 об.

10 РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 631. Л. 1.

11 Princeton University Library. Firestone Library. Co539. Box 4, folder 10.

12 Там же. Box 3, folder 83.

13 Там же. Box 4, folder 10.

языковая картина подтверждается эталонными рукописями: «Федру»¹⁴ или «Флору»¹⁵ он писал и в дореформенной орфографии с ферта, а имя «Федоръ» — с фиты. Именно фиту мы видим в адресе на почтовой карточке «И. Э. Анненскому» (1909)¹⁶, неоднократно он пишет ее в письме Ф. К. Сологубу («Федоръ Кузьмичъ», «Федору Кузьмичу Тетерникову»¹⁷); в письме к В. И. Иванову (21 августа 1911): «сенаторъ А. Э. Кони»¹⁸. Интересен в данной связи и университетский конспект в архиве Принстонского университета (не позднее 1914), где мы видим соблюдение норм орфографии: «[...] *строится въ духъ Августина и Эомы Аквинскаго: Франциско Патторіа, Томасъ де Виллануева*»¹⁹.

Перечисленных орфографических несообразностей достаточно для того, чтобы признать обе рукописи фальсификатами. Однако это далеко не единственный и даже не основной довод нашего исследования.

Из наблюдений над эпистолярием О. Манделъштама

Публикация эпистолярного наследия Манделъштама (той ее части, которая написана до реформы орфографии 1918 года) имеет свои особенности, по-видимому, в целом отражающие отечественную филологическую традицию, основу которой закладывали публикации русских классиков XVIII–XIX века. В частности, в силу особенности эпистолярного материала классических русских писателей, в текстологии традиционно не делается особенного различия между его формами — письмом и почтовой карточкой: все они относятся к «письмам», поскольку традиционным способом корреспонденции во времена Пушкина–Лермонтова–Гоголя были преимущественно обычные письма.

В эпистолярии более позднего времени выделяются, да и то не всегда, лишь телеграммы, которые имеют особый формуляр и языковые отличия; различия же между письмом и почтовой карточкой делаются редко. Но поскольку зачастую датировка текста письма обосновыва-

14 РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 175. Л. 3.

15 См. открытку матери (1908) (Манделъштам 1999: 482).

16 РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 350. Л. 1.

17 РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Д. 438. Л. 1, 2.

18 НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 29. Е. х. 66. Л. 6.

19 Princeton University Library. Firestone Library. Co539. Box 1, folder 7.

ется почтовым календарным штемпелем, то из комментария мы иногда можем понять, что датируется «письмо» по штемпелю на почтовой карточке или же на конверте. Почтовая же карточка как эпистолярный источник и специфична, и разнообразна, а иллюстративная сторона карточки, которая далеко не всегда берется в расчет, часто не просто связана с текстом послания, но и является его составляющей частью.

Публикация эпистолярия Мандельштама отражает указанную особенность отечественной текстологии: не всегда понятно, какую форму имело послание — письмо это или почтовая карточка; не всегда оговаривается, иллюстрирована карточка или нет... Поскольку нами рассматривается вопрос подлинности рукописей на открытках, то надлежит внимательно отнестись конкретно к этому типу исторического источника в эпистолярном наследии Мандельштама.

Прежде оговорим еще одно печальное обстоятельство: полное собрание сочинений Мандельштама (далее — ПСС) при публикации эпистолярия отходит от академических принципов в том числе и в части передачи оригинальных рукописей. Мы не говорим о произвольной пунктуации, нарушении авторского деления на абзацы, насаждении буквы «ё» и о прочем обыденном. В данном случае отмечена и вольная правка стиля — замены авторского «с изумленьем» на редакторское «с изумлением», «выступленьям» на «выступлениям», «предложенья» на «предложения» (письмо Ф.К. Сологубу, 27 апреля 1915); то есть при публикации не производилась необходимая сверка с рукописями. Даже при сравнении с факсимиле в том же издании мы видим, что у Мандельштама в рукописи «Белье не *пришло*», а тут же в транскрипции «Белье не *приняли*» (М2020: 630, 300). Единичные обращения к подлинным рукописям не менее показательны: «хотя ни разу мне не удалось сказать вам то, что я *считаю* важным» — в авторской рукописи «*считал*» (В.В. Гиппиусу, 14 (27) апреля 1908)²⁰; «чтобы считать наш расчет *окончательным*» — в авторской рукописи «*оконченным*» (М.В. Аверьянову, 14 мая 1914)²¹ и т. д.

Вернемся к двум изучаемым рукописям. Открытка, как принято называть такие почтовые отправления, изначально имела и пол-

20 РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.

21 РО ИРЛИ. Ф. 428. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

ное название — открытое письмо (иначе — почтовая карточка, по кальке с французского „carte postale“). Название представляет собой и характеристику источника: открытые письма потому и назывались «открытыми», что отправлялись они в открытом виде. То есть предположение, что открытка могла быть послана в 1910-х годах в маркированном конверте, является в корне неверным. Причин столь категоричному утверждению достаточно.

Во-первых, открытые письма в отправке стоили дешевле, чем закрытые. Цена отправки открытого письма была все дореволюционные годы одинаковой для почтовых внутренних сообщений (3 коп.), тогда как для закрытых писем она была и выше (7 коп., внутри одного города — 3 коп.), и зависела напрямую от веса: цена отправки закрытого письма считалась не за письмо, а за лот (12,8 грамм), что требовало некоторых предосторожностей, чтобы при превышении веса с адресата не взималось за перевес при наличии стандартной марки на почтовом конверте (см.: Гуляев 1906: 630–631). То есть открытые письма, цена за пересылку которых не зависела от веса и всегда была наименьшей, выгодно отличались от закрытых писем и потому наиболее активно использовались в начале XX века как для внутренней, так и для международной корреспонденции.

Во-вторых, отправка открыток и почтовых карточек («открытых писем») внутри конвертов («закрытых писем») для начала XX века если и не полностью невероятна, то не подтверждается практикой почтовой корреспонденции, поскольку не разрешалась почтовым ведомством: «Почтовая карточка должна быть отправляема открыто, т.е. не может быть вложена в оболочку, бандероль и т.п.»; запрещалась пересылка «иллюстрированных открытых писем, на рисунок коих положена смесь слюды с толченым стеклом»; подлежали изъятию «карточки недозволенного содержания» (Глембоцкий 1910: 10, 12).

Насколько это отражается в эпистолярной Мандельштама? Для ответа на поставленный вопрос необходимо охарактеризовать эпистолярные привычки поэта, и мы обратились по возможности к подлинным рукописям, тем более что корпус его писем по 1917 год включительно невелик (34 номера по М2020), из которых, как мы установили, 14 открыток. То есть почтовые карточки составляют без малого половину всей корреспонденции поэта, написанной по старой

орфографии. Ниже мы помещаем их перечень с указанием номера по корпусу эпистолярия и оговариваем их характеристики и места отправления:

- 5 мая 1903 — Ф.О. и Э.В.Мандельштамам. Иллюстрированная почтовая карточка с изображением памятника 1000-летию России в Новгороде; написано по пути из Новгорода в Старую Руссу, отправлена из Старой Руссы [№ 1].
- 16 октября 1907 — Ф.О. и Э.В.Мандельштамам. Иллюстрированная почтовая карточка с изображением Большой улицы в Вильно; отправлена из Вильны [№ 2].
- 11 ноября 1907 — Е.Э.Мандельштаму. Иллюстрированная почтовая карточка с видом бульвара Монмартр; отправлена из Парижа [№ 3].
- 5 февраля 1908 — Ф.О.Мандельштам. Иллюстрированная почтовая карточка с фотографией похоронной процессии кардинала Ришара 1 февраля 1908; отправлена из Парижа [№ 4]. (Илл.: Мандельштам 1999: 482).
- 24 июля 1908 — А.Э.Мандельштаму. Иллюстрированная почтовая карточка с изображением горы Сион в Швейцарии; с пути из Берна в Геную; отправлена непосредственно из поезда²² [№ 7].
- 6 августа 1908 — Э.В.Мандельштаму (илл. № 5). Иллюстрированная почтовая карточка с видом города Сент-Мориц (Швейцария); отправлена из Сент-Морица [№ 8; илл.: М2020: 630].
- 20 июня 1909 — В.И.Иванову. Простая (неиллюстрированная) почтовая карточка; отправлена из Павловска [№ 9].

22 Почтовый календарный штемпель отправления, указанный при публикации — «Ambulant», — который не комментируется в ПСС, относится к любопытному эпизоду истории швейцарской почты. Этот штемпель свидетельствует о том, что Мандельштам отправил письмо непосредственно из поезда, поскольку такой штемпель накладывался в специальных передвижных почтовых отделениях, которые представляли собой железнодорожный вагон; они следовали определенными маршрутами (на штемпеле обычно присутствует номер, который определяет именно маршрут почтового отделения на колесах, а не номер конкретного поезда; см.: Spiro 1957). О штемпеле «почтового вагона» на этой открытке см.: Соболев/Тименчик 2019: 782–783.

- 11 августа 1909 — А.Э.Мандельштаму. Иллюстрированная почтовая карточка с изображением террасы ресторана «Золото Рейна» в Берлине; отправлена из Берлина [№ 10].
- 21 августа 1909 — И.Ф.Анненскому. Простая (неиллюстрированная) почтовая карточка; отправлена из поезда в Швейцарии²³ [№ 12].
- 15 марта 1911 — В.И.Иванову (илл. № 6). Иллюстрированная почтовая карточка с изображением санатория в Хювинкя (Финляндия); отправлена из Хювинкя [№ 21].
- 24 июля 1914 — С.П.Каблукову. Простая (неиллюстрированная) почтовая карточка; отправлена из Выборга [№ 26]²⁴.
- 20 июля 1915 — Ф.О.Мандельштам (илл. № 7). Иллюстрированная почтовая карточка с видом «Коктебель. Сююрю-Кая в облаках»; отправлена из Коктебеля [№ 29].
- 20 июля 1916 — Ф.О.Мандельштам. Простая (неиллюстрированная) почтовая карточка; отправлена из Коктебеля [№ 31].
- 8 января 1917 — А.Д.Скалдину. Простая (неиллюстрированная) почтовая карточка, отправлена из Петрограда [№ 34].

Публикация письма издателю В.А.Аверьянову от 29 мая 1914 года [№ 25] указывает «Входящий штампель: 29 мая 1914», однако рукопись эта представляет собой записку, написанную на обрывке листа и уже впоследствии вложенную в конверт «издательства и книжного склада В.А.Аверьянова», и отмеченную календарным канцелярским, а не почтовым штампелем²⁵; таким образом, это письмо вообще не проходило через почту и не является почтовой корреспонденцией.

Тем самым все без исключения открытые письма (=почтовые карточки=открытки), которые были посланы Мандельштамом в дореволюционный период и сохранились до сегодняшнего дня, были отправлены именно в виде открытых писем; ни одно не было отправлено внутри почтовых конвертов.

23 Хотя ПСС указывает, что она отправлена из Монтрё, марка на почтовой карточке погашена тем же штампелем «Ambulant»; это доказывает, что отправлена она была из почтового вагона на колесах, когда Мандельштам выезжал из Монтрё.

24 ОР РНБ. Ф. 322. Оп. 1. Д. 39. Л. 71. Наклеена в тетрадь, датировка указывается по ПСС.

25 РО ИРЛИ. Ф. 428. Оп. 1. Д. 70. Л. 1, 2.

Также мы видим устойчивые принципы написания текста на иллюстрированных открытках: собственно текст письменного сообщения всегда расположен только на левой половине, а адрес — на правой.

Кроме того, все иллюстрированные почтовые карточки, отправленные Мандельштамом, обнаруживают неразрывную связь изображения либо с содержанием письма, либо с той местностью, в которой находился отправитель. Даже если не касаться субъективного восприятия иллюстративной стороны двух изучаемых открыток (очевидного мещанского вкуса изображений), в них нет связи изображения с содержанием или местом отправления (в случае с рождественским поздравлением наблюдается и очевидное противоречие, потому что картина «Ростепель» скорее может относиться к Пасхе, нежели к Рождеству).

В связи со сказанным возникает и важный вопрос (который позволил Нерлеру высказать предположение, что открытка Мандельштама Ахматовой пересылалась внутри конверта) о знаках почтовой оплаты и отметках почты. Безусловно, любое открытое письмо, если речь идет о частной переписке, должно было иметь почтовую марку (либо уже присутствующую, если это франкированный типографский бланк почтовой карточки, либо наклеенную отправителем) и календарные почтовые штемпели пункта принятия и пункта назначения. Мы уже останавливались в своих работах на проблеме подделки почтовых штемпелей как составной части процесса фальсификации рукописей (Дружинин 2023б), однако в данном случае штемпелей нет вовсе. Оговоримся, что филателистический бум XX века серьезно отразился на почтовой корреспонденции и на ее сохранности: в том числе и некоторые из подлинных открытых писем Мандельштама дошли до нас без почтовых марок, лишь со следами того, что некогда они были наклеены. Отсутствие же на двух изучаемых открытках календарных почтовых штемпелей — принципиально, и есть свидетельство, что эти две открытки почту не проходили.

Полное несоответствие характеристик двух открыток как с принципами пересылки почты, так и с подлинными открытыми письмами эпистолярного корпуса Мандельштама дают основание утверждать, что обе рукописи представляют собой фальсификаты.

Не менее важным обстоятельством, которого эксперты не касались, является датировка самих открыток, на которых имеется «автограф

О.Мандельштама». Установление даты недатированных открытых писем представляет трудность даже для квалифицированного исследователя, и, казалось бы, единственное, что можно тут сказать — что обе они «дореволюционные». Учитывая же существование филокартии — специальной исторической дисциплины, которая изучает открытки, — мы постараемся датировать эти две открытки и соотнести их как с имеющимся на них текстом, так и с почтовыми карточками эпистолярного корпуса Мандельштама.

Официальные наименования открыток, напечатанные на них — будь то «открытое письмо», «почтовая карточка» или же отсутствие оных, равно как и внешнее оформление адресной стороны, — могут служить верными датирующими признаками. Этому вопросу посвящен ряд работ (Ларина 2012; Ратнер 2018), мы постараемся их кратко резюмировать. Начало хождения иллюстрированных открыток в России датируется концом 1890-х (с 1894 года разрешен выпуск бланков открытых писем частным издателям, с 1898 года это приняло массовый характер); на адресной стороне надлежало размещать текст «Открытое письмо» и/или «*Carte postale*»; в ноябре 1902 года циркулярно было разрешено пересылать открытые письма с надписями на иностранных языках — «*Carte postale*» и т. п. — наравне с русскими почтовыми карточками, на которых имелась надпись «Открытое письмо», тем самым формально было одобрено хождение внутри Российской Империи открытых писем, изданных не только частными лицами, но и иностранными издательствами. Затем, 16 февраля 1904 года, циркуляром было установлено оформление адресной стороны бланков иллюстрированных открытых писем: половина для адреса (а значит, марок и штемпелей), половина — для текста письма. Циркуляром от 7 сентября 1908 года почтовое ведомство отменило требование текста «Открытое письмо» на адресной стороне открыток, напечатанных частными издателями, но сохранило обязательное вертикальное разделение адресной стороны иллюстрированных открыток линией. 1 мая 1909 года вошли в действие «Постановления по почтовой части», которые упорядочили выпуск открыток и вводили новое требование: вместо «Открытое письмо» надлежало в обязательном порядке указывать «Почтовая карточка». Безусловно, после принятия нового циркуляра некоторое время расходились отпечатанные ранее открытки, но в целом можно

четко говорить о том, что открытки, выпущенные после 1909 года, имеют на адресной стороне наименование «Почтовая карточка».

Вероятно, что в столь обширной области полиграфического производства, как издание открыток, бывали случаи несоблюдения директив, а также контрафакта, распространения изображений недозволенного содержания. Однако две изучаемые открытки представляют собой не подпольную фотопродукцию, а качественные цветные изоиздания, выпускавшиеся большими типографиями; кроме того, фирма К.Н.Гранберга (Стокгольм) была крупным поставщиком открыток на русский рынок и, как показывает изучение продукции фирмы, циркуляры Министерства внутренних дел выполняла.

Таким образом, обе представленные открытки были изданы не позднее майского циркуляра 1909 года, что делает употребление бланков этих почтовых карточек в случае с письмом «Александру Федоровичу» (не ранее 1911) сомнительным (мы не имеем точной даты этого послания), а с «письмом А. Ахматовой» (1914) — по-видимому, и невозможным.

Заключение

Научное рассмотрение двух рукописей О.Э.Мандельштама дает нам основание для следующих выводов. Филологическое исследование убедительно опровергло подлинность рукописей ввиду явного несоответствия графики и орфографии эталонным образцам рукописного наследия поэта. Источниковедческое исследование и параллельное сопоставление с выделенными из эпистолярия Мандельштама почтовыми отправлениями в виде отрывных писем позволили установить чуждость двух изучаемых рукописей эпистолярному корпусу Мандельштама, практике его почтовой корреспонденции, а также принципам почтовой корреспонденции 1910-х годов как таковым. Также было установлено, что сами открытые письма по времени своего издания не соотносятся с тем хронологическим периодом, которым могли бы быть датированы рукописи.

То есть проведенное исследование убедительно доказало, что «Письмо О.Э.Мандельштама А.А.Ахматовой, 1914 года» и «Письмо О.Э.Мандельштама Александру Федоровичу, 1-я пол. 1910-х гг.» представляют собой искусно исполненные фальсификаты.

Полученные результаты заставляют нас акцентировать внимание на некоторых важных аспектах вопроса экспертизы рукописей русских классиков в целом. Прежде всего нужно сказать о необходимости тщательного анализа языка, орфографии и графики рукописей, о важности сопоставления экспертируемых рукописей не с публикациями, а с эталонами из наследия писателя. То, что наше исследование опровергает положительные заключения двух различных специалистов, свидетельствует об уровне экспертизы памятников письменности в переживаемый период.

Частные выводы важны для практики текстологии. Работа с эпистолярием требует от исследователя понимания и специфических особенностей этого жанра как исторического источника: наряду с тем, что любое «письмо» есть «текст», оно обычно представляет собой еще и одну из разновидностей почтовой корреспонденции, что при использовании специальных исторических дисциплин может дать исследователю немало полезной информации. Выявленные случаи некорректной транскрипции рукописей при публикации эпистолярия в ПСС Мандельштама заставляют обратить внимание на необходимость сверки текстов его эпистолярия в будущих изданиях.

Автор благодарит Маргариту Михайловну Павлову (ИРЛИ РАН), Михаила Борисовича Попова (СпбГУ) и Александра Львовича Соболева (Москва) за советы и замечания.

Литература:

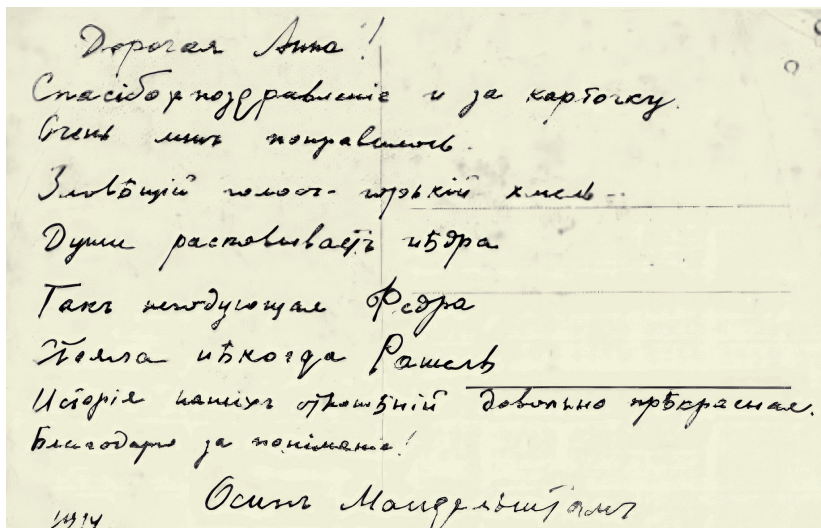
- Глембоцкий, Александр (1910): *Правила для изучения почтовой службы*. 2-е изд. Кишинев: Тип. П. Л. Галантера.
- Голубицкий, Вениамин (публ.)/Нерлер, Павел (послел.) (2023): «„Дорогая Анна“: письмо Осипа Мандельштама Анне Ахматовой (1914 г.)», в: Нерлер, Павел/Зуев, Дмитрий (ред.-сост.) *«Страх и муза»: Ахматова, Мандельштам и их время: мат-лы междунар. конференции...* Москва: trofimov.design, 20–22.
- Грот, Яков (1906): *Русское правописание*. 17-е изд. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Академии Наук.

- Гуляев, Алексей (1906): *Справочная книга для лиц, занимающихся торговыми и конторскими делами*. Москва: Тип. В. Гатцук.
- Даль, Владимир (1866): *Толковый словарь живого великорусского языка*. Ч. IV. Москва: Тип. Т. Рис.
- Дружинин, Петр (2023а): «Фальсификация рукописей Анны Ахматовой как актуальная проблема текстологии», в: *Сюжетология и сюжетография* 1, 26–68.
- Дружинин, Петр (2023б): «Фальсификаты рукописей Григория Распутина новейшего времени и их распознавание», в: *Сюжетология и сюжетография* 4, 70–111.
- Желнина, Татьяна (2006): «Методы выявления поддельных автографов К. Э. Циолковского», в: *Космонавтика и культура: Труды XXIX Академических чтений по космонавтике*. Секция 10. Москва: НТО им. акад. С. И. Вавилова, 151–192.
- Ильин, Иван (1993): «О наших орфографических ранах», в: Он же: *Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2, кн. 2*. Москва: Русская книга, 118–125.
- Краснобородько, Татьяна (1987): «Несостоявшееся открытие», в: *Литературная газета* 11 (11 марта), 6.
- Ларина, Анна (2012): «Иллюстрированная открытка: вопросы атрибуции», в: *Вестник РГГУ. Серия: История, филология, культурология, востоковедение* 6 (86), 214–224.
- Мандельштам, Осип (1999): *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Письма*. Сост. П. Нерлера, А. Никитаева, Ю. Фрейдина, С. Василенко. Москва: Арт-Бизнес-Центр.
- Мандельштам, Осип (2020): *Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 3: Проза. Письма*. Изд. 3-е, испр. и доп. Сост., подгот. текста и коммент. А. Меца. Санкт-Петербург: ИД «Гиперион».
- Пильщикова, Игорь/Шапир, Максим (2005): «Текстология vs аксиология: Еще раз об авторстве баллады „Тень Баркова“», в: *Антропология культуры. Вып. 3: К 75-летию В. В. Иванова*. Москва: Новое издательство, 219–248.
- Ратнер, Лев (2018): «Применение открытых писем (почтовых карточек) почтой Российской империи (1872–1917)», в: *Почтовая марка и почтовая карточка: творцы, издатели, коллекционеры: Сб. матлов...* Санкт-Петербург: Центр. музей связи им. А. С. Попова, 64–78.

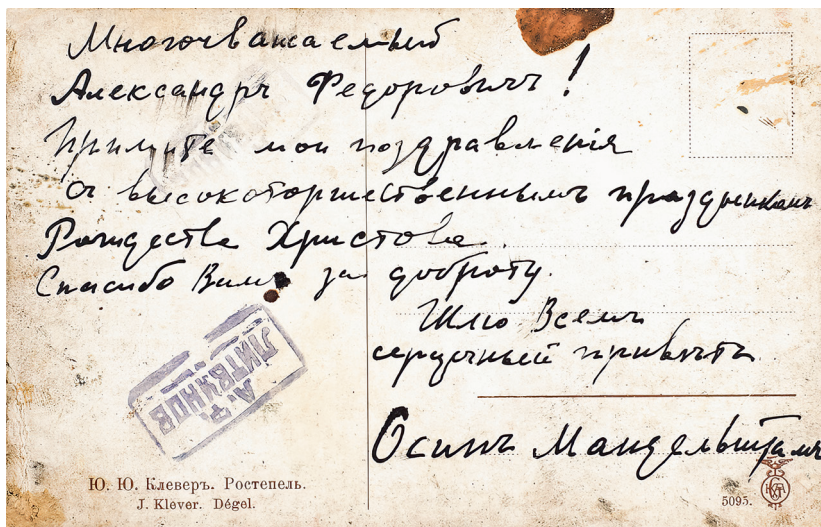
- Рейсер, Соломон (1978): *Основы текстологии*. 2-е изд. Ленинград: Просвещение.
- Руководство (1858): *Руководство к употреблению буквы ѣ и знаков препинания*. Санкт-Петербург: Тип. Ю. Штауфа.
- Сорокин, Юрий (отв. ред.) (1984): *Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1*. Ленинград: Наука.
- Соболев, Александр/Тименчик, Роман (сост.) (2019): *Венеция в русской поэзии: Опыт антологии, 1888–1972*. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
- Целибеев, Николай (1893): *Руководство к изучению правильного употребления буквы ѣ в русском правописании*. Москва: Типо-лит. Лашкевич.
- Spiro, Edward H. (1957): “Swiss Ambulant Post Offices: An Introduction to the history of train and ship cancellations”, in: *Helvetia Philatelic Society: News Letter*. [London]: No 3, March. P.3–4; No 4, April. P. 4; No 5/6, May/June. P. 5–6; No 7/8, July/August. P. 5; No 9/10, September/October. P. 3; 1958: No 1, January. P. 3.

Иллюстрации:

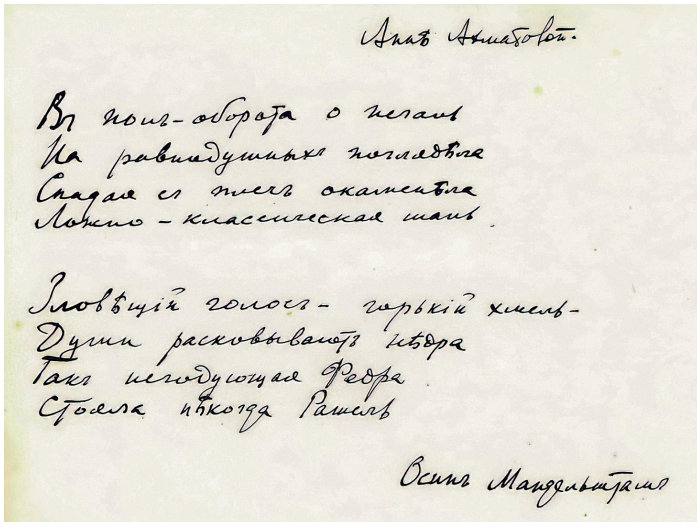
- №1: Открытка Анне Ахматовой. — *Позднейшая имитация рукописи О.Э.Мандельштама*
- №2: Открытка неизвестному. — *Позднейшая имитация рукописи О.Э.Мандельштама*
- №3: Рукопись стихотворения О. Мандельштама «Анне Ахматовой». — РГАЛИ. Ф.13. Оп.1. Д.175. Л.3
- №4: Фрагмент заключения почерковеда, 2019
- №5: Открытка О.Э.Мандельштама отцу, 6 августа 1908. — Архив Е.Э.Мандельштама
- №6: Открытка О. Э.Мандельштама В. И.Иванову, 15 марта 1911. — НИОР РГБ. Ф.109. Карт.29. Ед. хр. 66. Л.30
- №7: Открытка О.Э.Мандельштама матери, 20 июля 1915. — Princeton University Library. Firestone Library. C0539. Box 4, folder 10

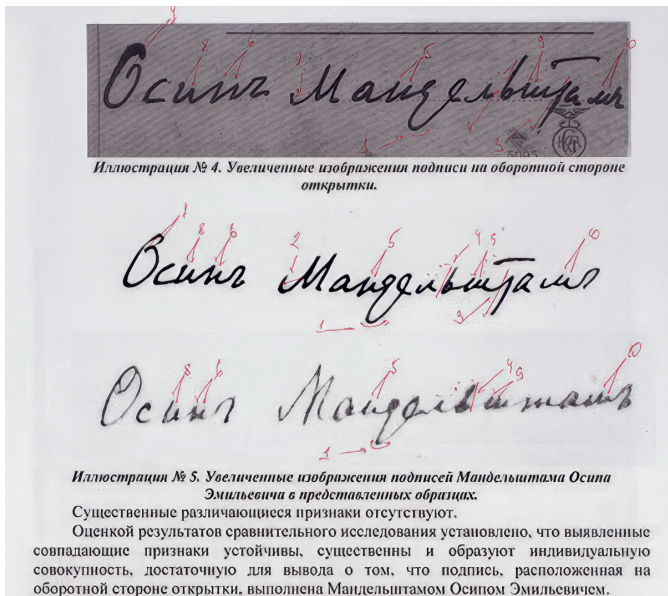
Илл. 1: Открытка О. Мандельштама А. Ахматовой

Илл. 2: Открытка О. Мандельштама неизвестному

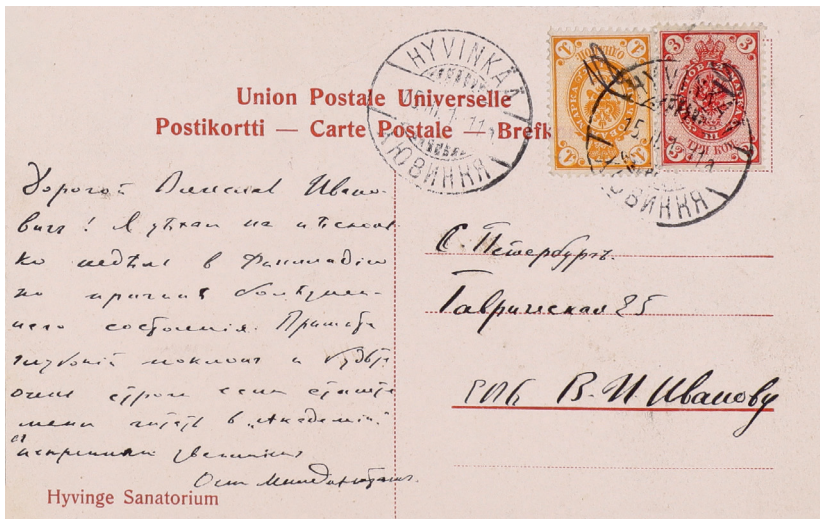
Илл. 3: Рукопись стихотворения О. Мандельштама «Анне Ахматовой»

Илл 4: Фрагмент заключения почерковеда, 2019

Илл. 5: Открытка О. Э. Мандельштама отцу, 6 августа 1908

Илл. 6: Открытка О. Э. Мандельштама В. И. Иванову, 15 марта 1911

Илл. 7: Открытка О. Э. Мандельштама матери, 20 июля 1915